

М.В. Мусеев

Некоторые аспекты взаимоотношений Московского государства с постордынскими государственными образованиями

«Золотоордынское наследие» в отношениях Московского государства с тюрко-татарскими ханствами

«Золотоордынское наследие» во взаимоотношениях Русского государства с тюрко-татарскими государствами играло заметную роль, особенно это заметно в пространстве политического церемониала, этикета, ритуала. Остановлюсь лишь на двух аспектах: «поминки» и церемониал встречи посла.

Известно, что значение «поминок» в отношениях Московского государства, Великого княжества Литовского с тюрко-татарскими государствами было скользким и балансировало на грани дар/дань.

Изначально эти отношения имели непаритетный характер, связанный с гегемонией Золотой Орды в регионе с XIII по XIV века. С XV века Золотая Орда постепенно теряет свое влияние, восточноевропейские государства (Великое княжество Литовское и Русь) начинают вмешиваться в ее дела, с конца XV столетия Орда и во все прекращает свое существование, превратившись в отдельные государства. Изменившийся геополитический баланс должен был бы привести к изменению дипломатического протокола в отношениях с постордынскими обществами, но этого не произошло. Причины этого лежали в системе международных отношений восточноевропейского региона. Постордынские государства угрожали и Русскому государству, и Великому княжеству Литовскому опустошительными набегами. Вместе с тем, соперничавшие Москва и Вильно в своей борьбе охотно пользовались услугами степных правителей. Все это приводило к двойственному отношению к «пережиткам» ордынского времени – наиболее отчетливо это проявилось в вопросе о «поминках». Нельзя забывать, что и старая ордынская иерархия не была до конца изжита в этих отношениях: так степные ханы продолжали стоять на иерархической лестнице выше и московских, да и литовских великих князей. Конечно, бывшие данники старались преодолеть это «ордынское наследие», к примеру, Русское государство стремилось выстроить прагматичную дипломатическую систему отношений с постордынскими государствами: Крымским, Казанским, Астраханским ханствами и Ногайской Ордой. Существенным элементом этой системы было последовательное преодоление «ордынского наследия», создание новой международной иерархии и, наконец, включение старой иерархии отношений в эту новую «глобальную» систему. Однако борьба Руси и Литвы приводила объективно к консервации многих элементов «ордынского наследия». Одним из подтверждений этого является ситуативное прочтение «поминок» сторонами в контексте отношений. Так, в Литве русские «поминки» восточным правителям представлялись как дань, в Русском государстве возмущались такой интерпретацией, но, в свою очередь, считали литовские «упомики» – данью. Естественно, степные правители охотно пользовались такими разночтениями в продвижении своего понимания отношений, их статуса. Более того, им такое положение было чрезвычайно выгодно, так как сохранялась возможность поддерживать свое влияние на отношения в ситуации изменившегося геополитического баланса в восточноевропейском регионе.

Впрочем, не только интересами поддержания своего престижа были озабочены степные правители. Экономические потребности стояли далеко не последними в очереди. Торговля играла заметную роль во внешней политике степняков, с ее помощью они нивелировали несовершенство кочевой экономики. В конце концов, набеги так же играли экономическую роль. Однако ни торговля, ни набеги не могли вполне удовлетворить роста потребностей степной знати и бюрократии. Именно поэтому вопрос о «поминках» – посольских дарах – играл такую значительную роль во внешней политике постзолотоордынских государств, подчас затмевая основное содержание отношений. В результате «поминки» – этот внеэкономический инструмент удовлетворения потребностей – приобрели характер политического торга.

«Поминки» лежат на границе экономической и политической сферы тогдашней дипломатии. С одной стороны – они существенный фактор политических отношений между постордынскими сообществами, Русским государством и Литвой. С другой стороны – экономическое значение всегда в них присутствует. Оседлые соседи степняков «поминками» оплачивали ту их политику, которая хоть в какой-то мере соответствовала интересам Москвы или Вильно. Более того, сами «по-

минки» подлежали строгому учету той стороны, которая их отсылала. В Русском государстве «поминки» входили в сферу деятельности казначеев, их учет велся на казенном дворе, что подтверждается довольно частым употреблением в посольских книгах фраз типа: «А что поминков, и то писано у казначеев»; «И что были их поминки, и то писано в казне у казначеев». Росписи поминок вручались дипломатам, ехавшим за границу, но в тексте самих посольских книг не всегда находили отражение. Сведения о стоимости «поминок» в посольских книгах не регистрировались. Эту лакуну вполне могла бы восполнить документация Казны, но, к сожалению, за XVI век она почти целиком погибла. Счастливым исключением стали два дела, сохранившиеся в двух разных фондах: одно – в составе фонда-коллекции 127 «Сношения России с ногайскими татарами», а другое – в 210 фонде «Разрядный приказ». Выявленные материалы позволяют конкретизировать наши представления и об этом виде источников и о «поминках». Особый интерес представляет дело 1584 г. (ф.127), так как оно приоткрывает делопроизводственный механизм. Исходя из заголовка дела, можно предположить следующее: росписи «поминок» объединялись на Казенном дворе в книги, с которых, в свою очередь, делались для нужд Посольского приказа выписи. Эти выписи в приказе правились с учетом внешнеполитической ситуации, затем создавалась роспись «поминок» для определенного посольства. Именно в росписях отмечены цены подарков, что позволяет поставить и в определенных рамках решить вопрос о «стоимости» отношений. Все это позволяет считать «поминки» экономическими по форме, но политическими по содержанию и выделять их в особый вид отношений. Сравнение сохранившихся росписей поминок с литовско-польскими «реестрами упоминкам» позволяет сделать осторожное предположение об их генетической близости, что может быть объяснено единством происхождения этого вида документации.

Раньше всего «поминки» стали фигурировать в русско-крымских отношениях, к началу XVI века они фиксируются и в русско-ногайских связях. Было ли это данью? Одни исследователи отвечают «да», другие категорично – «нет», третьи предлагают компромиссные варианты. Однако чтобы ответить на этот вопрос стоит рассмотреть эволюцию этого явления в рамках конкретных отношений. Возьму русско-ногайские связи.

Очевидно, в Москве приняли решение встроить «поминочные» отношения с ногаями в крымскую систему, по которой «поминки» шли в первую очередь Чингизидам, затем карачи-биям и сейиду. Однако такая схема не могла вполне удовлетворить ногайскую знать, так как она почти полностью исключалась из этих отношений. Это недовольство проявилось рано, уже на заре «поминочных» отношений Русского государства с Ногайской Ордой. В 1505 году Казанское ханство вышло из-под подчинения Москвы. Великокняжеские дипломаты спешно приняли меры, направленные на изоляцию непокорного ханства от его степных союзников. В Ногайскую Орду оправили гонца с поминками для бия, но их перехватил один из мирз. Но более очевидно недовольство «поминочной» политикой Москвы проявилось в 1530-е годы, во времена правления Саид-Ахмед-бия.

Правление Саид-Ахмеда приходится на кризисный период в политической системе России, совпавший по времени с наивысшим расцветом Ногайской Орды. Ногайский бий Саид-Ахмед претендовал на изменение статуса русско-ногайских отношений, одновременно с этим он добивался и изменения статуса Ногайской Орды в постзолотоордынском политическом пространстве. В августе 1534 г. Саид-Ахмед требовал выплат крымских «поминок», настаивал на той же системе их распределения. При этом бий занимал место хана, появлялся и ногайский аналог калги. Тон грамот резко изменился. В одной из них Саид-Ахмед жестко увязал вопрос о выдаче поминков и сохранения «роты» [Посольские, 1995, с.95]. В это же время Саид-Ахмед стремился сконцентрировать в своих руках выдачу поминков мирзам, что вызвало конфликты внутри орды и с русскими дипломатами [Там же, с.124–125, 126–127]. В конце 1534 г. в Москву приехало ногайское посольство, возглавляемое главой ногайского правительства – кара-дуваном. Бий требовал денежных выплат от 100 000 алтын до 60 000 алтын, в случае же спора или «затейки» угрожал войной. Свои претензии на денежные выплаты Саид-Ахмед обосновывал тем, что бывшая Большая Орда теперь принадлежит ногаям [Там же, с.131].

В таких условиях возрастала роль дипломатов, отправлявшихся в Ногайскую Орду. Даниил Губин, русский посол в орде в 1534–1535 гг., выяснил наличие глубоких противоречий между Саид-Ахмедом и мирзами.

В конце 1535 г. стали известны претензии ногайского бия на «девятные поминки» традиционно связанные с крымскими ханами. Впрочем, в России уже знали, что в самой орде не все поддерживают его притязания. Так, глава «финансового ведомства» Ногайской Орды – Теку дуван – советовал Д. Губину написать в Москву, чтобы Саид-Ахмеду не потакали и писали в грамотах и слали

«поминки» как было ранее. В течение 1536–1537 гг. продолжалась борьба «за поминки». В ответ на требование «крымских поминков» Ф.И.Карпов подчеркивал, что бий «правду не учинил», а великий князь «дружбу не выкупает». Русская сторона крепко держалась выбранной линии: слать «поминки» только после шертования. Все это, а так же жалобы мирз на качество «поминков» свидетельствует, что правительство Е.Глинской существенно ограничивало количество «поминков».

Осенью 1537 г. в Москве стали известны административные изменения в Ногайской Орде (появление нурадинов и кековатов) и связанные с этим экономические претензии (нурадинова пошлина). Поминки же для Саид-Ахмеда вообще непомерно возросли. Реакция Москвы была резка и однозначна: Ф.И.Карпов и дьяки Меньшой Путятин и Ф.Мишуриин заявили на требования ногайской стороны «крымских поминков»: «ни князю и мирзам пригоже чюжих поминков просити», и далее подчеркнули связь «поминков» со службой («...наших недругов воюют, толды им от нас и поминки ходят»). В ответной грамоте Саид-Ахмеду подчеркивалось беспрецедентность таких требований. Таким образом, дипломатия правительства Е.Глинской продолжала политику Казны времен Василия III и стремилась превратить «поминки» в жалованье.

После правления Саид-Ахмеда «поминочные» отношения стабилизировались. В 1548–1549 гг. не видно конфликтов по этому вопросу, наоборот, проявляется тенденция к утверждению «жалованного» принципа получения «поминков». Так, мирза Али б. Юсуф просил «поминок» за военные действия против врагов Ивана IV. Вместе с тем среди правящей элиты орды (бия, нурадина и кековата) оставались живы старые традиции. Нурадин Исмаил писал: «А чего яз прошу, то мне дай; будешь добр и яз тебе друг», «похочешь со мною быти в дружбе» пришли «поминок». Распространились и «запросы», особенно активен в них был все тот же Исмаил. Новый бий орды Юсуф запрашивал «платье доброе», которое должны были пошить в России. Оставались и прежние претензии к качеству «поминков». Необходимо отметить, что умиротворенность в вопросах о «поминках» в то время во многом диктовалась общим климатом русско-ногайских отношений 1548–1549 гг. В это время наблюдалось сближение России и Ногайской Орды по «казанскому вопросу» и обострение ногайско-крымских отношений.

В 1550-е годы также прошли без заметного обострения «поминочного вопроса». Среди ряда мирз усиливалась «жалованная» тенденция. Вместе с тем большинство мирз не разделяли такого подхода, а после 1554 г., когда к власти пришел Исмаил, он попытался, как и Саид-Ахмед, изменить статус русско-ногайских отношений, что выразилось в именовании Ивана Грозного сыном [Посольские, 2006, с.181, 203, 208]. В 1556 г. Исмаил получил гневную отповедь и с тех пор прекратил столь явно претендовать на верховенство в русско-ногайских отношениях. Впрочем, положение Исмаил-бия в то время не способствовало настойчивости для проведения подобной политики. Ногайская Орда погрузилась в омут гражданской войны и экономического краха [Трепавлов, 2000, с.270–289]. Именно в таких условиях развивались «поминочные» отношения. Постепенно нарастала жалованная тенденция в понимании поминок, и ревизии этого со стороны ногаев в исследуемый период не происходило.

Исмаил-бий отмечал необходимость «поминок» для собирания и удержания ногаев вокруг него. Разорение ногаев вынуждало активно выпрашивать у русских властей повышение «кун», шедших к ним из Москвы. Исмаил отмечал, что пришедшую к нему «рухлядь», он раздавал своим детям, племянникам и слугам.

В середине XVI века «поминки» приобрели характер « годового » с точно определенной номенклатурой и количеством отсылаемого. Так, среди дач начали фигурировать деньги. В 1559 г. Исмаил-бий писал: «То ты мне даеш денег годовое и по то послал еси Бекчурю, годовое денги одлично бы еси приказал з Бекчурою». В годовое входили шубы, сукна и однорядки. В послании Исмаил-бия в 1560 г. сообщалось, что ежегодно шло 4 шубы (горлатная с поволокою, горностаена с поволокою, 2-е белых с поволоками), по 4-е постава сукна и «однорядки шитые».

Показательно изменение отношения к поминкам в среде самих ногаев. Все чаще в их среде проявлялось понимание поминков как жалования. Так, в 1562 г. в ставке Урус-мирзы в жесткой форме с русского гонца К.Тоишева взяли пошлины. Тогда аталык Уруса Тюбек этим возмутился. Он корил своего воспитанника, что делает это «не гораздо», что государевых посланников бесчестит и грабит. По словам К.Тоишева, аталык говорил Урусу: «О государе деи царе и великом князе свет видите, его государевым жалованьем живете, а его ж посланников грабиш». Урус оказался вынужден оправдываться. На это его толкнуло то, что к нему приехало из иных элей много людей, а дать им нечего. Мирза обещал, что когда будет отпускать гонца, то возместит его убытки.

Еще более откровенно это новое понимание выразил Исмаил-бий в своем предсмертном послании. Выпрашивая, у Ивана Грозного повышение денежных и других дач, он четко проводил параллель между служилыми татарами и Ногайской Ордой [РГАДА, ф.127, оп.1, кн.6, л.211об.]. Ногайская Орда стремительно теряла влияние на внешнеполитическую ситуацию в западном Деште, русско-ногайские отношения «провинциализировались», как следствие, «поминки» претерпевают очевидную эволюцию и сближаются с жалованием. Русские дипломаты стремятся влиять на процесс принятия внешнеполитических решений ногайской элитой с помощью регулирования объемов направляемых в орду «поминков», снижая их своим противникам и увеличивая – сторонникам. Так, во время русско-ногайского противостояния в 1580-е годы русское дипломатическое ведомство сократило содержание бия Урусу и его сторонникам и увеличило тем мирзам, которые выступали за мирные отношения с Русским государством.

Постепенно угасание интереса к Ногайской Орде, как субъекту внешней политики, привело к снижению стоимости отправляемых ногайской элите «поминков». Так, в 1584 г. «поминки» для бия равнялись по стоимости 300 рублей, в 1585 г. произошло снижение их стоимости, связанное с антирусской позицией Уруса, и составило 200 рублей, а в начале XVII века – всего лишь 71 рубль.

Таким образом, на протяжении XVI века «поминочные» отношения претерпели некоторые изменения. Если в 1530-е годы заметно усиление трибутарной тенденции, умело преодоленной русскими дипломатами, то к середине столетия стало очевидным укрепление жалованной тенденции. К 60-м годам XVI века поминки прошли эволюцию и превратились в жалованье. К началу XVII века стоимость «поминков», отправляемых ногайским биям и мирзам сократилось, что связано с «провинциализацией» русско-ногайских отношений и общим угасанием интереса к Ногайской Орде, как самостоятельному игроку на внешнеполитической арене [подробнее см.: Моисеев, 2011, с.17–31].

Другой аспект «золотоордынского наследия» в отношениях Русского государства с тюрко-татарскими ханствами и ордами – церемониал встречи послов. Посольский церемониал постзолотоордынских стран в значительной степени восходил ко временам могущества Золотой Орды. Многие из его элементов имели непаритетный, а местами и унижительный для отправляющей дипломата стороны характер. Учитывая, что для дипломатии средневековья весьма существенную роль играл символический ряд: государство=правитель=посол, становится понятной актуальность изучения моделей поведения избранных тем или иным дипломатом на «вызовы» протокола принимающей стороны. Одним из наиболее очевидных «вызовов» можно считать практику взимания, так называемой «придверной пошлины».

Во всех постзолотоордынских государствах бытовал обычай, по которому дипломатические представители разных стран за право аудиенции платили так называемую придверную пошлину. О подобных порядках в Улусе Джучи писали Джованни дель Плано Карпини и Гильом де Рубрук [История монгалов, 1997, с.59, 70–71, 110–111]. Наиболее подробное описание монгольского церемониала встречи послов оставил Джованни дель Плано Карпини. По пути к ставке послов встречали заставы татар. Выяснив, куда они едут, татары просили даров и получали их. По словам Карпини, им «приходилось принуждение обращаться в желание» [Там же, с.70–71]. Прибыв в ставку, «вождь» посылал к послам «своих рабов управителей», которые спрашивали о «подарках», а получив, требовали, через третьих лиц, дать больше. После получения требуемого, посла вели к хозяйскому шатру. Сходная процедура повторилась и в ставке Бату [Там же, с.71–72]. Этот церемониал оказался весьма устойчивым и сохранился в постзолотоордынских государствах, имея распространение и в бывшем Чагатайском улусе [Английские, 2007, с.211, 212, 213, 215, 218]. Русских послов требование пошлин и поминков преследовало, едва они приближались к улусам степняков. Уже в ставке бия к ним посылался теку-дуван, управлявший финансовыми вопросами, который требовал пошлин, после этого на посла «наседали» карачи «трех орд» (в случае с Ногайской Ордой) и придверники [Посольские, 1995, с.125–126].

Русские власти резко негативно относились к практике взимания пошлин с дипломатических представителей своей страны. В каждом наказе рефреном звучало «...а в пошлину никому ничего никак не давати». Однако это «идеальное» требование наказа было трудно исполнимым для дипломата, находившегося вдали от Родины и окруженного представителями ногайской верхушки с вполне очевидным желанием получить требуемое. Уже первый представитель Русского государства в орде столкнулся с этой проблемой. Осенью 1490 г. в ставку ногайского бия Мусы прибыл голец Тулуш, где Алчагир-мирза (сын Мусы) «...силу учинил, взял у него однорятку ноугоньскую, да две однорятки трекуньские, да седло ометюк тимов. А ... князь Шамансырь взял у него сильно

однорядку ипскую, да другую трекуньскую». Точно также в 1506 году поступил Алчагир с другим гонцом – Кожухом, приказав с того снять «однорядку придверного». Попытки прекратить эту унижительную практику дипломатическим путем так и не возымели действия. В 1534 году русский посланник Даниил Губин столкнулся с этой практикой, приобретшей к этому времени усиленный характер. Едва прибыв в ногайские улусы, посланник столкнулся с требованиями послов ногайских мирз отдать им посольские дары для их господ. Д.Губин воспротивился этому, тогда ногаи напали на него и сопровождавших гонцов и захватили «поминки», отправленные их сюзеренам. Уже во владениях бия Саид-Ахмеда его сын Султан-Ахмед потребовал пошлин, получив отказ, ограбил русского посланника. В ставке бия ситуация повторилась. Сначала бийский чиновник потребовал пошлин, Д.Губин отказал ему в этом, тогда на следующий день он явился с сопровождением и обыскал весь состав посольства (посланника и гонцов) изъять требуемые пошлины. После «княжого грабежу» к несчастному посланнику приехали пошлинники «от трех орд и придверники», и ситуация повторилась. Своеобразный сбор пошлин завершили карачи ногайской знати [Посольские, 1995, с.124–126]. Подобная практика продолжалась и позднее. Весьма показателен пример живучести «придверной пошлины», приводимый русским посланником в Ногайской Орде в 1551 году П.Тургеневым. Ситуация весьма напоминает ту, что имела место почти два десятилетия назад с Д.Губиным: так же вначале требование «поминок», а затем двенадцать князей ногайского бия Юсуфа потребовали пошлин, мотивируя это сложившейся международной практикой. Отказ уплатить пошлины, немало не поколебав ногаев, привел к силовому изъятию их [Посольские, 2006, с.52–53]. Конечно, можно полагать, что столь экстремальный способ получения пошлин с русских посланников и гонцов мог диктоваться враждебной к Русскому государству позицией. Вроде бы для этого есть основания. Упоминаемые выше случаи: ограбление Д.Губина и П.Тургенева имели место во время серьезного охлаждения русско-ногайских отношений. Инспирировали их бии Саид-Ахмед в 1534 году и Юсуф в 1551 году, оба были явно недовольны московской политикой в регионе. Однако такое предположение не будет справедливым. В 1554 году Исмаил, видевший в Москве своего главного партнера в борьбе за власть, точно так же приказал взять со всего посольства пошлины. Русский посланник М.И.Бровцын об этом упоминает в своей отписке: «Да прислал, государь, ко мне казначея своего, да иных татар, да меня, государь, велел ограбить. И казначеи, государь, меня ограбили и татар твоих донога...» [Посольские, 2006, с.153–154]. Замечательно, что это происходило на фоне борьбы Исмаила с Юсуфом за власть в орде, а Бровцын должен был провести с первым секретные переговоры по возведению на астраханский престол Дервиш-Али, креатуры как раз Исмаила! Следовательно, характер взимания пошлин с дипломатических представителей Русского государства не был жестко связан с позицией самих ногайских аристократов по отношению к Москве. Однако начало усобицы в Ногайской Орде внесло свои коррективы в процесс взимания пошлин с русских дипломатов. В один из острых моментов междуусобной борьбы, в 1555 году, Исмаил вовсе отказался брать пошлины, наоборот, он повел себя «необычно» (именно так эту ситуацию охарактеризовал русский посланник И.Загряжский), приказав выдавать посольству корм ежедневно. Впрочем, такое поведение диктовала сложившаяся ситуация, так как против Исмаила поднялось большинство ногайских мирз [подробнее см.: Трепавлов, 2000, с.270–284]. Ввиду сказанного любопытно, что другой русский посланник Мясоед Вислово, направленный к союзнику Исмаила Касиму, все-таки был «ограблен». Вероятно, традиционное право взимания пошлин с дипломатов для ногаев было более действенным, чем изменяющаяся политическая обстановка. На нее не повлияли и бурные события 1557 года. В это время Исмаил на непродолжительное время лишился власти в орде: его сменили мятежные сыновья бия Юсуфа, погибшего в 1554 году, и их сторонники. Правителем ногаев стал старший из Юсуфовичей – Юнус-мирза. Новый бий старался убедить московских представителей, что подобная смена власти не угрожает Русскому государству, борьбу же с Исмаилом переводил в плоскость «кровной мести» за убитого последним отца. Вместе с тем сбор пошлин с посольств отменен не был. Так, посла И.Тверетинова ногаи «бесчествовали», хотя и характер этого не ясен. Примечательно, что сами ногаи отрицали свою вину, возводя её на самого посланника: «...сам деи мужик дурен, не знает ни добра, ни лиха». С посланника Елизария Мальцева имелдеши Юнуса попытались взять пошлины, но им это не удалось. Как писал позднее в отписке сам герой происшествия «государевым здоровьем взяв Бога на помоч, переступя страх, положили образец в Нагаех, каков преже того не бывал» [Посольские, 2006, с.246]. Однако небывалый успех Е.Мальцева так и остался единичным. Взимание пошлин с дипломатических представителей Русского государства продолжался и позднее, хотя и видоизменившись. Так, в

1562 году с русского гонца в ставке Уруса взяли пошлины, хотя (в этом новшество) обещали позднее возместить.

Примечательна реакция посланников и гонцов Русского государства на эту ситуацию, отраженная в отписках и докладах дипломатов. Так, например, Даниил Губин пытался воздействовать на ситуацию словами. П.Д.Тургенев говорил «многие речи по наказу», а в момент силового изъятия пошлин просто покинул место, где это происходило, оставив ногаев наедине с желаемыми материальными ценностями. Примеры подобного развития событий можно еще множить, но главное это понять: чем объяснить эту повторяющуюся из раза в раз ситуацию. На наш взгляд, мы здесь имеем место с неким церемониальным действием. Ногаи требуют положенную пошлину: ведь так заведено издавна. Московские дипломаты непреклонно отвечают отказом, затем «полаяв много», стороны на время расходятся и после некоторого времени (как правило, на следующий день) ногаи берут свое, русский посланник покидает место, где совершается, согласно его словам, «грабеж». Таким образом, наиболее распространенной моделью поведения дипломатических представителей Русского государства в случае с «придверной пошлиной» долгое время был ритуальный отказ от ее выплаты и пассивное наблюдение за ее взиманием. Такая ситуация позволяла выйти из «протокольного тупика», создававшегося известным противоречием между сложившейся дипломатической практикой постзолотоордынских государств и решительным требованием великокняжеской канцелярии «пошлин не давать». В результате подобного «грабежа» московские дипломаты пошлин как раз официально и не давали и, соответственно, удар по престижу молодого государства был минимальным. Оценивая все это явление как проявление криминальных наклонностей степняков, великокняжеская администрация слала возмущенные послания, укоряла ногайскую аристократию, однако более действенных методов искоренения практики «придверной пошлины» не искала. Следовательно, не будет слишком смелым предположить, что эта ситуация по началу удовлетворяла обе стороны.

Однако после захвата Казанского и Астраханского ханств, а так же с началом ногайской усобицы середины XVI века русские дипломаты, да и сами ногайские аристократы начали избирать иные сценарии преодоления означенного «протокольного тупика». Наиболее ярким суждено было стать поведению Е.Мальцева: в ответ на требование пошлин, он приказал открыть огонь из пищалей. Убив одного и ранив 5–6 человек, посланник обезопасил себя от взимания пошлин [Посольские, 2006, с.246]. Впрочем, такая реакция являлась скорее исключением. Позднее взимание пошлин продолжалось, но ногайские аристократы старались возместить убытки, понесенные дипломатами. Сохранение же этой практики они мотивировали необходимостью содержать свое окружение.

Торгово-экономические связи Московского государства и тюрко-татарских ханств

Торговые отношения Москвы с тюрко-татарскими ханствами и ордами играли заметную роль. При этом надо учитывать, что степень их влияния надо дифференцировать. Так, в истории русско-крымских связей торговля имела незначительное влияние, а, в русско-ногайских, наоборот, была весьма заметной. Поэтому не удивительно, что именно она весьма плодотворно изучалась. Из последних работ необходимо выделить труды В.В.Трепавлова и В.Д.Назарова. Основой ногайского экспорта в Россию были кони. Сами поставки были значительны, однако, следует признать, что после экономического кризиса середины XVI века Ногайской Орды они стали снижаться. Поэтому, в целом, динамика русско-ногайской лошадиной торговли оказалась регрессивной. Так, с 1527 по 1549 г. ногаи пригнали 211 700 лошадей, а с 1551 по 1563 г. – 107 765. Вместе с тем объемы поставок оставались на достаточно высоком уровне. Учитывая, что покупателями ногайских лошадей всегда (в течение XVI в.) были служилые люди, приходится согласиться с мнением Михалона Литвина о военно-стратегическом характере русско-ногайской торговли.

Стоит так же осветить вкратце пути следования ногайских торговых караванов. Традиционно исследователи выделяют следующие маршруты: Самара – Казань – Нижний Новгород – Владимир – Москва или Переволока – вдоль Дона – устье Воронежа – Ряжск – Рязань – Москва. Первая дорога, так называемая «казанская», являлась основной.

Однако стоит указать, что в XVI веке существовали варианты этих путей. Так, в основном ногайские посольства, торговые караваны да и военные отряды шли через Мещеру или Рязанщину. Часто первым пунктом их прибытия становились Касимов и Темников. Встречался и более древний путь в Москву через Казань на Муром. В целом можно сказать, что ногаи тяготели в основном к движению через Мещеру, но возвращались они зачастую, после 1556 г., водным путем через Нижний Новгород и Казань на Астрахань.

Подытоживая выше изложенное, можно сказать следующее. Русско-ногайская торговля имела весьма существенный характер для обоих государств. Об этом свидетельствует заинтересованность русского правительства в стимулировании ногайских мирз отсылать торговые караваны в Москву, а так же усилия по восстановлению торговли в завоеванных областях. Однако тенденция ее развития оказалась регрессивной, что объясняется междоусобицей и «хозяйственной катастрофой» в Ногайской Орде в середине XVI столетия.

Таким образом, торговля в русско-ногайских отношениях занимала важное место, но преувеличивать ее роль нельзя. Для Русского государства, не смотря на его высокую заинтересованность в ногайском конском экспорте, она была дополнительным инструментом политического воздействия на ногаев ради сохранения их союзных отношений или нейтралитета [подробнее см: Моисеев, 2009, с.34–38].

Взаимоотношения между Московским государством и Ногайской Ордой

Русско-ногайские отношения, начавшись в 1489 году, за XVI столетие претерпели очевидную эволюцию. Сами эти отношения насыщены событиями, поэтому рассмотрю их кратко, даже схематично.

Русско-ногайские отношения развивались в сложной международной обстановке, характеризующейся как конфликтами внутри постзолотоордынского мира, так и борьбой с ним Русского государства, отстаивавшего свой государственный суверенитет. Основной целью русской восточной политики для конца XV века являлось уничтожение Большой Орды, а так же установление контроля над Казанским ханством. Во всех этих мероприятиях русской дипломатии сыграли свою роль ногаи. С 1490 г. Ногайская Орда вошла в антиордынскую коалицию Москвы, Крымского и Казанского ханств. Правительству Ивана III удалось так же добиться нейтралитета ногайской знати в вопросе контроля над престолонаследием в Казани. Однако, именно казанская политика Русского государства вызвала сопротивление ногайского нобилитета. В результате в 1530 г. между Россией и Ногайской Ордой произошел разрыв дипломатических отношений, вызванный разногласиями по казанскому вопросу. Впрочем, русским политикам удалось восстановить контроль над Казанским ханством и даже добиться непродолжительной поддержки своего курса ногайской правящей элитой. В 1548 – 1549 гг. оформился русско-ногайский союз против Казани, и только восшествие на казанский престол внука Юсуф-бия – Утемыш-Гирея расстроило его. На последнем этапе существования Казанского ханства ногаи устранились от русско-казанского конфликта, что значительно облегчило подчинение его русскими войсками.

Завоевание Астрахани русскими так же было осуществлено в рамках русско-ногайских договоренностей.

Для развития русско-ногайских отношений так же характерен вопрос о взаимном статусе. С конца XV века Ногайская Орда являлась вассалом Русского государства, причем этот вассалитет носил церемониальный характер и имел следующие черты. Во-первых, в формуляре обращения к русскому великому князю (позднее царю) не допускалось обращение как к «сыну», ногайские послы входили в княжеские покои без шапок и били челом. Послы, отправлявшиеся в орду, всегда были детьми боярскими. Во-вторых, ногаи не могли получать «девятные поминки», традиционно связанные с Чингизидами. Соответственно, пропорционально уменьшались и «поминки» для ногайских мирз, а племенная аристократия и члены двора (ички), вероятно, и вовсе исключались из этого процесса. В-третьих, составление шертных записей, где прописывались обязательства обеих сторон, составлялись исключительно в Москве, русской стороной.

Ногайская знать постоянно боролась с подобным положением дел. Наиболее драматический характер она приняла во время правления Саид-Ахмед-бия, в 1533–1538 годах. Эта политика опиралась на внутривассальный кризис в Русском государстве, связанном с фактом малолетства Ивана IV. Правительство Елены Глинской последовательно отвергало попытки ногайской дипломатии утвердить новое понимание русско-ногайских отношений. Главным контрдоводом стало последовательное указывание ногайскому бию на его место в международной иерархии. Большую роль в противостоянии политике Саид-Ахмед-бия сыграла информированность русского внешнеполитического истеблишмента о реальном положении дел в Ногайской Орде. От русского посланника Д.И.Губина в Москве своевременно узнали о наличии серьезной оппозиции политике Саид-Ахмеда в самой Ногайской Орде, в расчете на которую московская дипломатия и строила свою политику, направленную на дезавуирование притязаний бия. Вторая попытка оспорить верховенство Русского государства в русско-ногайских отношениях приходится на время правления Исмаила и

охватывает период времени с 1555 г. по 1556 г. С принятием окончательного решения по завоеванию Хаджи тархана, московские дипломаты решительно дезавуировали заявления Исмаила и его сторонников. После 1556 г. открытая борьба вокруг статуса Ногайской Орды прекратилась.

После включения Нижнего Поволжья в состав Русского государства Ногайская Орда начала терять значение во внешней политике царя и его окружения. Русско-ногайские отношения «провинциализировались», то есть главными их вопросами стали проблемы организации пограничного сосуществования ногаев и русской администрации в недавно присоединенных областях.

Центральной проблемой изучения русско-ногайских отношений в середине XVI века является вопрос о причинах переворота в Ногайской Орде и последовавшей за тем междоусобицей, повлекшей за собой глубокий политический и экономический кризис. В основе столкновения Юсуфа и Исмаила лежала свойственная кочевым обществам борьба между правом старшего в роде или племени и наследственной передачи власти от отца к сыну, в кочевом обществе шла борьба, сопровождавшаяся «кровавыми междоусобными столкновениями». О наличии этого конфликта в Ногайской Орде свидетельствуют следующие данные. В конце XV века Мусе удалось преодолеть племенной характер власти бия (столкновения с Аббасом), в 1530-х годах из политической жизни Ногайской Орды потомство Мусы вытеснило потомков его брата Ямгурчи. В конце 1540-х годов влияние утеряло семейство Саид-Ахмед-бия. Следствием этой борьбы стали последовательные действия Исмаила, направленные на блокирование антимосковских акций бия.

Объяснение этого конфликта как противоборство западного крыла орды с восточным, предлагаемое рядом историков (Б.-А.Б.Кочекаев, Е.В.Кусаинова, А.Исин), не верно. Так, на стороне Исмаила выступил Касим, правитель восточного крыла, а сторонником Юсуфа оказался Белек-Пуладмирза, помощник Исмаила по управлению западными кочевьями Ногайской Орды.

Вмешательство Русского государства, как это отмечал и В.В.Трепавлов, в эти процессы следует оценивать как незначительное и не имевшее определяющей роли. Главный довод в пользу сторонников взгляда на то, что именно прямое подстрекательство московской дипломатии привело к убийству Юсуфа, – это упоминание в памятниках официального летописания приказа царя Исмаилу убить Юсуфа. Однако необходимо учитывать, что летописи это глубоко идеологический тип источника. В русском официальном летописании к середине XVI века уже сформировалась концепция превосходства русских правителей над монголо-тюркскими государями. Ногайской Орде в этой теории отводилась роль верного вассала России, жизнь которого всецело зависит от воли северного соседа. Тем временем, дипломатические материалы противоречат этому летописному описанию. Согласно им, Исмаил сам выступал инициатором переворота. В Москве же решение по столь «скользкому» предложению откладывали до окончания «астраханской операции».

Переворот 1554 года привел к резкому противостоянию внутри правящего клана Ногайской Орды. Образовалось три центра притяжения сил, постоянно ведших друг с другом борьбу. С одной стороны, это был Исмаил и его сторонники, с другой – дети убитого Юсуфа и их союзник Газимирза (основатель знаменитого «Казыева улуса»). Взаимные нападения друг на друга привели к заметному ухудшению экономики и в итоге привели к «хозяйственной катастрофе» Ногайской Орды. В результате большая часть ногаев стали покидать родные кочевья в поисках лучшей доли. Первым местом откочевки стали окрестности Астрахани в 1557 г. Затем ногайские эли начали бегство в Крым, Казахстан. В Россию потянулись представители аристократических родов, а так же специалисты – коневоды. Пути попадания их в Русское государство были различны: плен, ссылка, а так же добровольная эмиграция. В результате к концу изучаемого времени в Русском государстве сложилась представительная ногайская диаспора.

Голод в Ногайской Орде, усугубивший ее кризис, начался на территории волжских кочевий еще в 1553 г. Последующие события только ухудшили экономическое состояние орды. В результате ногаи не смогли справиться с ним за счет внутренних ресурсов, и им пришлось обращаться за помощью к оседлым соседям. Россия оказала ногаям посильную продовольственную помощь, однако ее оказалось явно недостаточно, что приводило к высокой смертности среди кочевников, а так же продаже детей в рабство. Вместе с тем продовольственная помощь, оказываемая Россией, все-таки привела к стабилизации положения Исмаила и способствовала постепенному восстановлению Ногайской Орды.

Участие ногаев в антикрымских мероприятиях русской восточной политики следует признать ограниченным. Началось оно с 1559 года и продолжалось до конца изучаемого периода. Ногаи ограничивались набегами отрядов, не превышавшими двух тысяч человек. Эти действия в итоге оказались плохо скоординированы с русским командованием на местах и зачастую приводили к вза-

имным конфликтам и претензиям. Долгое время основной целью крымской политики России оставалось блокирование ханства с помощью Ногайской Орды. Однако от общего с ногаями похода русская дипломатия последовательно уклонялась. В 1560 г., в ответ на активизацию литовско-крымских контактов, русские власти решили создать коалицию ногаев и черкесов и направить их на Крымское ханство, но в итоге эти планы так и не были реализованы.

В результате Ливонской войны русская внешняя политика пошла на сокращение своей деятельности на Востоке, сконцентрировавшись только на поддержании достигнутых успехов. Это проявилось, как в крымской политике, так и стремлении разрешить конфликт Исмаила с Газимирзой мирным путем, без привлечения значительных военных сил. Попытки ногайского бия вовлечь Русское государство в реализацию своих внешнеполитических планов – вторжение в Ургенч или «Казыев улус» не встретили поддержки.

В принципе, можно выделить следующие этапы русско-ногайских отношений 1489–1563 годов. Первый охватывает период с конца XV в. по 1-ю треть XVI в., когда были заложены основные принципы отношений: принцип «свободной торговли» и «церемониального» вассалитета ногайской аристократии по отношению к московским великим князьям. Второй этап занимает 2-ю треть XVI века и характеризуется борьбой с гегемонистскими тенденциями Ногайской Орды, выраженными Саид-Ахмед-бием, претендовавшим на изменение статуса Ногайской Орды в русско-ногайских отношениях и на «ордынский выход».

Третий период длился с конца 1540-х годов до 1554 г. и характеризуется усилением геополитической дифференциации ногайской аристократии и борьбой между Исмаилом и Юсуфом, приведшая к убийству последнего.

Четвертый период (с 1554 по 1563 гг.) – это время русско-ногайских отношений в период жесточайшего экономического и политического кризиса в Ногайской Орде. В это время вполне оформилась экономическая зависимость ногаев от Москвы. Однако в сфере политики эта зависимость менее очевидна. О полном вассалитете Ногайской Орды Исмаил объявил в своем посмертном обращении к Ивану Грозному, но это не вызвало интереса в России и не встретило поддержки в среде ногайской аристократии, включая его сыновей.

Пятый период (с 1563 г. по 1600 г.) – это время попыток приемников Исмаила вывести Ногайскую Орду из политического и экономического кризиса, вернуть ее былое влияние, актуализировать свою роль в международных отношениях, но все эти начинания потерпели фиаско, и орда, в конце-концов, попала в зависимость от Русского государства.

Необходимо отметить, что русская восточная политика проявила серьезный прагматизм и знание проблемы. Так, в переговорах с ногаями, Крымским ханством и Турцией русские дипломаты исходили из теории легитимации своей власти на приобретенные территории, понятной в тюркском мире. Внешняя политика Ногайской Орды, на наш взгляд, не имела строгой системы. Это диктовалось как крыльевой системой, когда правители крыльев вступали в тесные контакты с пограничными к ним государствами, так и отсутствием далеко идущих внешнеполитических интересов. Нередко одна группа мирз противостояла интересам другой или внешнеполитической линии бия. При Исмаиле такой разброд внешнеполитических интересов в некоторой степени был преодолен, но это, скорее всего, итог отчаянного положения ногаев, а не его политики.

В целом необходимо отметить, что русско-ногайские отношения оказались весьма содержательными и важными для всех участников процесса. Они осложнились как объективными, так и субъективными процессами, протекавшими в то время. Очевидно, что время кочевых империй безвозвратно ушло. Теперь они втягивались в сферу влияния наиболее мощных оседлых государств. Жертвой этого общего процесса оказалась и Ногайская Орда. Исмаил-бий понял неотвратимость этого процесса и принял усилия найти в нем место для себя и своего государства. Однако инерционность традиционного мышления сковывала его политику. С другой стороны, в Москве с недоверием и опаской взирали на его попытки создать в Ногайской Орде оседлый базис не только в Сарайчуке, но и дельте Волги, поэтому игнорировали все его просьбы оказать помощь в постройке городов. Русская дипломатия, по сути, оставила Ногайскую Орду «саму себе», гарантировав действенность союза с ней, созданием системы сдержек-противовесов как в лице перешедших на царскую службу ногайских мирз (например, сыновей Юсуфа, противников Исмаила: Юнуса, Ибрахи́ма и Эля), так и «союзных» Москве аристократов, оставшихся в орде.

Астраханское ханство во внешней политике русского государства XV–XVI вв.

Говорить о месте Астраханского ханства во внешнеполитической системе Русского государства XV–XVI столетий затруднительно. По всей видимости, после разгрома Большой Орды Хаджи тархан играл серьезную роль в геополитических «играх» Москвы, но к середине XVI века ситуация изменилась. Если говорить об дипломатических акциях, приведших к присоединению Нижнего Поволжья к Русскому государству, то можно выделить следующее.

Стоит заметить, что завоевание Хаджитархана русскими было осуществлено в рамках русско-ногайских договоренностей. Включение Нижнего Поволжья в состав Русского государства прошло три этапа. Первый этап характеризовался желанием решить хаджитарханский вопрос только ногайскими силами. От претендента на престол Дервиш-Али ожидалось соблюдение шертной записи, по которой он обязывался быть союзником России. Вскоре стало ясно, что ногаи без русской поддержки взять город не могут. Наличие же неподконтрольного хана в Астрахани, который контролировал волжские переправы, стало представлять угрозу русским интересам в Поволжье. Тогда правительство Ивана Грозного поддержало кандидатуру Дервиш-Али военной силой и возвело на престол правления в 1554 г. – это является вторым этапом русской астраханской политики. В это время в России решили сохранить в Хаджитархане институт ханства, при контроле русского и ногайского (Халк-Аман) представителей. Третий этап связан со стремительным изменением политической обстановки в Нижнем Поволжье, проявлением которого стал очевидный дрейф Дервиш-Али-хана в сторону сближения с крымским ханом и поддержки ногайских мирз-казаков, противников правления Исмаила. Исмаил-бий и его сторонники последовательно призывали Россию вмешаться в эти события и сместить Дервиш-Али, и даже упразднить институт ханской власти. В результате в 1556 г. Астрахань была занята русскими войсками, и Нижнее Поволжье вошло в состав Русского государства.

Список источников и литературы

Английские, 2007 – Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. 2-е изд. Рязань: Александрия, 2007.

История монгалов, 1997 – История монгалов / Дж дель Плано Карпини. 3-е изд. Путешествие в восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. Книга Марко Поло. 4-е изд. / Вступ. ст., коммент. М. Б. Горнуга. М.: Мысль, 1997.

Моисеев, 2009 – Моисеев М.В. Русско-ногайская торговля в XVI столетии // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: сб. материалов Второй междунар. науч. конф. / сост. А.И.Раздорский. Курск, 2009. С.34–38.

Моисеев, 2011 – Моисеев М.В. Эволюция и содержание посольских даров-«поминок» в русско-ногайских отношениях XVI века // Вестник МГГУ им. М.А.Шолохова. Сер. «История и политология». М., 2011. № 4. С.17–31.

Посольские, 1995 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. [Публикация текста] / Сост. Б.А.Кельдасов, Н.М.Рогожин, Е.Е.Лыкова, М.П.Лукичев. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995.

Посольские, 2006 – Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. [Публикация текста] / Сост. Д.А.Мустафина, В.В.Трепавлов / Ответ. научн. ред. проф. М.А.Усманов. Казань: Татар. кн. изд-во, 2006.

Трепавлов, 2000 – Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М.: Восточная литература, 2000.